

Переходы от авторитарных режимов

Российское общество, делающее очередную попытку перехода к демократии, оказалось перед лицом множества конфликтов, противоречий, потрясений, с неизбежностью сопровождающих этот процесс. Непривычность для большинства населения новой социальной среды, возникающий психологический дискомфорт обостряют и без того напряженную ситуацию, порождая самые пессимистические прогнозы.

Однако уместно было бы вспомнить, что в данном случае (на пути перехода к демократии) мы отнюдь не являемся первопроходцами. Многие страны уже прошли или подходят к концу той дороги, на которую мы только вступаем. А потому было бы полезно познакомиться с их опытом, с их оценкой проблем, с которыми мы уже столкнулись, или с теми, что нас еще ожидают. Напомним, что в одном из номеров нашего журнала эту проблему затрагивал член-корреспондент РАН Э. Обминский, отметивший, что из накопленного человечеством опыта перехода к демократии нам «гораздо ближе латиноамериканский вариант, обусловленный и нынешней социально-политической ситуацией, и менталитетом народа, и т. а»¹. Поэтому внимание редакции привлек обзор четырехтомника «Переходы от авторитарных режимов» (Baltimor and London, 1986—1991). Это — итог работы, проведенной в рамках латиноамериканской программы Центра Вильсона. Внимание исследователей, анализировавших проблему на материале стран Латинской Америки и Южной Европы, было сконцентрировано на политических аспектах темы, на природе и внутренней структуре авторитаризма, причинах и движущих силах его трансформации, на определении содержания демократического строя, способах его установления и тех источниках, которые поддерживают и питают его. Причем случаи перехода к демократии, рассмотренные авторами исследования, произошли мирным путем. При всех различиях между ними отмечалось и общее: не было, например, коммунистических правительств, в обществах не была ярко выражена антизападная идеология (типа исламского фундаментализма), господствовало социальное стремление приблизиться к уровню материального благополучия и формам политической организации, связанным с либерально-капиталистической доктриной. Предлагаем вашему вниманию подготовленное младшим научным сотрудником Центрального экономико-математического института РАН ЮЛИЕЙ СТРИЖЕВСКОЙ изложение некоторых, с нашей точки зрения, интересных и полезных в отечественных условиях положений данного исследования.

Авторитарный строй

Какие бы конкретные формы ни принимал авторитаризм, он остается видом классового господства. В подтверждение этого тезиса целесообразно рассмотреть специфику южноевропейских диктатур, прекративших свое существование в 70-е годы. Незадолго до их установления политическая ситуация в Южной Европе характеризовалась следующим: «консерваторы» и «либералы» строго контролировали небольшую зону законной политической активности; редкие представители низших слоев и даже среднего класса

¹ «Общественные науки и современность», 1992, №3, с. 7.

(и то — порвавшие с ними) могли быть вовлечены в политику, что приводило к радикализации интеллектуалов из этих слоев; политическим силам, выпавшим из либерального кредо, не предоставлялся шанс реального и длительного компромисса (в отличие от того, какой получили социал-демократы, анархисты и социалисты в Северной Европе).

Идеологическая трещина, возникшая еще в период Просвещения, разрывала либеральную мораль между отрицанием религиозно-санкционированной законности государства и сопротивлением культурным переменам со стороны «традиционалистов»². Полностью циничная политическая культура (ради выгодных предложений политики отказывались от избирательных мандатов), парламентская система, поставленная на службу защиты узкоклассовых интересов, распространяли апатию и скептицизм среди избирателей. Иначе говоря, идеал «правильной» североевропейской модели в Южной Европе превратился в формулы, знаки, в которые либерально-консервативное государство пыталось втиснуть общество другой социальной структуры, экономики и культуры.

Фашизм появился в период, когда традиционные политические формулы буржуазного парламентаризма стали разрушаться, когда давление радикальных революционных движений сочеталось с серьезным отставанием в экономике. Все это свидетельствует о том, что существовавшие тогда политические порядки не могли справиться с новыми требованиями и найти новые формы политических действий. Фашизм, во-первых, подготовил почву для дальнейшего накопления капитала и развития капитализма, так как усилил экономическую роль государства в период, когда стали необходимы крупные инвестиции. Во-вторых, под знаменем фашизма, который всегда приходил под лозунгом «закона и порядка», благоприятствовал мечтам национального расширения, в странах Южной Европы был установлен некий внутренний мир. В-третьих, фашизм укреплял пошатнувшуюся систему классового господства путем узаконивания унаследованного неравенства и разрушения левого революционного движения.

Но нельзя не видеть, что сила авторитаризма в разных странах различна. От того, какой по составу будет коалиция правящих классов авторитарного режима, зависит официально санкционированный идеологический спектр. При этом широта диапазона этого спектра охватывает даже возможность «установления демократии».

Главная задача идеологии авторитарного режима — соединить его реакционное ядро с риторическим фасадом поддержки подчиненных классов. Этой идеологии соответствует ограничение политического плюрализма. Интересную общую черту проявили фашистские южноевропейские диктатуры. В них происходила постепенная трансформация от предъявления требований гражданам выражать преданность властям к установлению режима с достаточной лояльностью и расширением сферы невмешательства в обширные области социальной жизни (непреследование за прошлую политическую деятельность, за религиозные убеждения и т. д.). Тирания также поощряет различные неполитические институты, особенно ориентированные на развлечения и национальный патриотизм.

Реакционные коалиции поддерживаются благодаря централизованному контролю политического и административного аппарата, средних и низших классов через ту часть бюрократии, которую можно было бы назвать «классом обслуживания». Легкая рекрутируемость и лояльность этой бюрократии вызваны отсталостью экономики. Институты, которые узаконивают авторитаризм и на которые он опирается, сами становятся чем-то принуждающим и сдерживающим режим. То есть государство становится струк-

² В то же время в Северной Европе протестантизм преодолел напряженность между церковным и мирским.

турным элементом общества, которым управляет. Но все-таки способность буржуазного авторитаризма изменить социальную структуру уступает ответственности способности истинно тоталитарных (коммунистических) государств. Этот вывод ученые Центра Вильсона обосновывают прежде всего тем, что государственные институты буржуазного тоталитаризма вторичны по отношению к коалиции правящих классов. Следовательно, современный деспотизм может легко разобрать свой партийный, полицейский и профсоюзный фасад и перейти к политическому устройству, более адекватному современным интересам правящих классов. Но в то же время надо учитывать, что при устранении тоталитарности именно «класс обслуживания» наиболее трудно входит в каждодневную жизнь гражданского общества.

Авторы выделяют четыре фактора, обуславливающие крах авторитаризма:

- авторитаризм реализовал то, что вело к его установлению, и, следовательно, более не необходим;
- режим потерял свою законность;
- конфликт внутри правящего блока, в результате которого часть правящей группировки обращается к сторонним группам за поддержкой;
- внешнеполитическое давление.

Почва для демократии

Для эффективного изменения авторитарного режима и установления политической демократии страна должна иметь гражданское общество, в котором определенные объединения и группы соратников существуют независимо от государства и в котором эти самоопределяющиеся единицы имеют возможность автономно действовать, защищая свои интересы и идеалы. Кроме того, такие группы и интересы должны не только распространяться по стране, но и быть в состоянии консолидироваться, когда этого требуют обстоятельства, т. е. быть способными на коллективные действия. В демократиях такое объединение в большей степени происходит с помощью политических партий.

В целом сила гражданского общества зависит не столько от экономического развития (южноевропейские страны — Португалия, Греция и Турция — не стояли в этом смысле выше некоторых латиноамериканских стран), сколько от исторических условий, позволяющих возникнуть независимым территориальным объединениям, различным функциональным тождествам (социальные классы и стой, сектора экономики, профессии). Этнические и лингвистические группы, религии и секты, добровольные ассоциации и социальные организации, родовые и возрастные группировки вносят значительный вклад в институализацию социального плюрализма, который поддерживает сильное гражданское общество. Все эти группы и объединения должны не только получить право на существование, но и начать функционировать, открыто обсуждать собственные проблемы и публично действовать, защищая свои законные интересы. Их общественный статус дает им возможность избежать подчинения государственной власти, а это вклад в демократизацию.

Что же все-таки такое «гражданское общество»? Каким видят его авторы из Центра Вильсона, прежде всего редактор четырехтомника П. Шмиттер? Гражданское общество характеризуется не только сложной социальной структурой, но и демократической институализацией своих многочисленных сегментов. В связи с этим очень важна мысль о том, что для установления демократии необходима трансформация идеологического климата. Это может быть осуществлено благодаря воздействию «моделей мышления», постулирующих плюралистическую институализацию политической жизни. Согласно традиционной авторитаристической точке зрения, исключительным базисом политического порядка являются однородность или единство. Интересно

отметить, что переход от авторитаризма в Бразилии в течение 10 лет сопровождался постоянным «воспитанием», бесконечными дискуссиями и переговорами среди интеллектуалов. Но оценивая результаты, ученые Центра Вильсона приходят к неутешительному для себя мнению, что перспективы демократии в Латинской Америке не очень велики, намного меньше, чем в Южной Европе. В чем же причина такой ситуации?

Одно из огромных различий между двумя регионами — двусмысленность самой идеи политической демократии в Латинской Америке. Обычно она ассоциировалась с левыми и коммунистическими партиями. Эти силы, как правило, стремились привлечь к себе последователей, манипулировали их устремлениями, не стараясь затем институционализировать общество для удовлетворения намеченных целей. Более того, господствующие классы предпочитали «открытые» авторитарные решения, которые отвергали демократию и как механизм, и как просто идею при поддержании политической жизни.

Однако после продолжительной борьбы общественные силы пришли к выводу, что цена попыток исключить друг друга больше, чем цена терпимости к различиям. Это минимальное согласие ведет к институциональным изобретениям, которые последовательно пролагают пути к смягчению конфликтов. Многие из действующих лиц, включенных в переходный процесс, не желают демократического выхода и даже не знают, что это такое. Просто, понимая высокую стоимость подавления своих противников, пытаются достичь более приемлемой формы социальных и политических взаимодействий. Именно высокая внутренняя оценка политической демократии общественными силами дает надежду на демократизацию в Латинской Америке, хотя область идей и понятий в реальном процессе может значить меньше, чем «объективные» факторы.

Необратимость демократического «выбора» для стран Южной Европы гарантируется ее вступлением в новую современную постлиберальную общность, основанную на технологических достижениях, конкуренции в политике и корпоративном обществе. Западное корпоративное общество может быть охарактеризовано, с одной стороны, политическим плюрализмом, гражданскими правами и демократическими представлениями, а с другой — постоянным ростом больших формальных организаций всех уровней: государства, профсоюзов, профессиональных ассоциаций, финансовых институтов и т. п. Это общество, в котором классовые конфликты, тенденции рынка, социальные объединения тесно соединены с распространенными повсюду «корпорациями», перераспределяющими, фильтрующими и управляющими.

Южная Европа вступила в «корпоративный мир», когда ее стандарты (уровень дохода и распределения, уровень инфраструктуры, урбанизации, грамотности, здоровья и т. п.) либо достигли североευропейского уровня, либо приближались к нему. По всем международным критериям она перестала быть «периферией» или «полупериферией» мировой экономики. Аналогично тому как здоровая национальная экономика образует целое с полностью зависимыми элементами (традиционный сектор дополняет современный, а тот, в свою очередь, поддерживает первый), образовался экономический союз севера и юга Европы.

Развитое индустриальное, несущее благосостояние социально-экономическое пространство расширилось, захватив Южную Европу в цельную социальную систему. Но не произошло поглощения ее классовой структуры, локальных культур и др. Эти черты со временем, конечно, не могут остаться незатронутыми, однако структурные изменения, несомненно, будут сильно отличаться, а не копировать североευропейские формы. Интеграция, даже некоторая конвергенция, имеет место на уровне корпоративных организаций европейских наций, но едва ли это относится к нижнему уровню социальной структуры.

Южная Европа дала нам одну модель перехода к современному обществу. Но есть и другие. Например, в Бразилии индустриализация была во многом обусловлена активным включением в международную производственную систему под контролем ТНК. Этот процесс был основной экономической задачей авторитарного государства. Созданные авторитаризмом экономические инфраструктуры являются частью экономического «трио»: частные предприятия, государственные предприятия и иностранные компании. В этой ситуации автономия от государственной экономики становится более проблематичной. Давление на государство осуществляется без независимого механизма гражданского общества, через «бюрократические сферы». Эти сферы простираются от ядра государственного аппарата до недр гражданского общества.

В середине 70-х годов бразильское правительство генерала Гейзела решило усилить национальный сектор производства средств производства. Несмотря на благие цели индустриализационной политики правительства, усиление государственного контроля не устраивало систему альянсов, поддерживающих режим. Кроме того, ход мирового экономического кризиса и давление международных партнеров обусловили трудности правительства по выполнению им своих обязательств. К 1977 г. предприниматели объединились в антиправительственной критике и использовали для этого демократическую демагогию. Означало ли это критику режима? В смысле намерений — едва ли, но в смысле практических последствий — да. Идеологическое фразерство предпринимателей — это перевод немедленных экономических интересов в сферу абстрактных дискуссий. Они «купили» демократию, так как аргументы в пользу экономического либерализма давали вектор для требования других свобод. Голос предпринимателей присоединился к уже существовавшему хору. Они не были инициаторами, но придали вес движению гражданского общества. В то же время банкротство государственной программы и экономический кризис способствовали благосклонному отношению правительства к переменам.

Стремление к автономии социальных групп и ломке связей с государством поощрялось церковью, интеллектуалами, профсоюзами. Предприниматели уже не хотели сохранения жестких корпоративных связей с государством. Постепенно образовывалась социальная модель, в которой оценки со стороны гражданского общества становились более значимыми, чем оценки государства. Но все же когда забастовки стали угрожать интересам бизнеса, очарование либерального консенсуса исчезло. Перед лицом сильного стремления к демократии других секторов общества предприниматели снова заговорили о «демократии, управляемой государством».

Разрушение авторитаризма и основание демократии — одна из альтернатив, оказавшихся в распоряжении бразильского общества. Другая — трансформация государства, содействующая слиянию «старых» и «новых», лишь расширяющая классовый союз для поддержания системы господства. Этот вариант не означает выполнения либеральных и демократических требований, но в то же время и не ограничивается изменениями лишь формального фасада режима. Деловые круги Бразилии выбрали вторую, компромиссную, альтернативу. Вместе с тем оппозиционные партии знали, что не имеют силы навязать свои условия. Итак, то, что произошло в Бразилии, можно охарактеризовать как одновременное усиление и возможности государства принимать решения, и автономности гражданского общества.

Один из авторов четырехтомника — Ф. Кардосо — делает вывод, что деловые круги организовались, чтобы защитить свои корпоративные интересы, а не для того, чтобы захватить государство. Ясно, что государство всегда является отражением господства, существующего в обществе. Роль бразильской буржуазии была стратегической, а объединения предпринимателей были важны для новой системы альянсов. Но из этого не следует,

что произошло «гегемоническое» возрождение либеральной буржуазии. Нельзя поддерживать идею возможности возрождения «новой буржуазной гегемонии», якобы направленной на создание демократического общества. Но в то же время нельзя умалять роль бизнеса, гарантирующего невозможность отката вспять.

Процесс перехода к демократии

Пути, ведущие к демократизации, разделяются в работе Центра Вильсона на три основные категории в зависимости от условий процесса. Выделяются страны, где интегрирующую роль играет внешнее завоевание, где инициатива находится в руках самой авторитарной власти, где главную роль в преобразованиях играют оппозиционные силы. В случае «демократизации сверху» предсказуемы по крайней мере три проблемы:

— власти могут попытаться повернуть назад, если попадут в ситуацию, когда цена терпения намного превышает стоимость репрессий;

— властители могут попытаться сконструировать формальные или неформальные правила, которые гарантируют их коренные интересы, даже в контексте победившего демократического режима;

— очень вероятно, что аппарат безопасности старого режима попытается сохранить свои прерогативы нетронутыми.

По мере разрушения экономического и политического базиса авторитаризма в правящем блоке возникает силовая борьба, раскалывающая его на сторонников «жесткой» и «мягкой» линии. Сторонники «жесткой» линии предпочитают сиюминутную безопасность и консервацию своей доли в «награбленном» долговременным политическим планам. Кроме того, они внутренне отторгают «язвы» и «беспорядок» демократии. В переходный период и даже после установления политической демократии это консервативное ядро авторитаризма, вероятно, останется источником попыток переворотов и заговоров.

Сторонники «мягкой» линии отделяют себя от сторонников «жесткой» линии заявлениями о том, что некоторые формы демократии являются неизбежным результатом авторитарного «эпизода», который они «вынуждены были поддерживать». «Мягкий» курс неоднороден. Одни из его течений взяли от авторитаризма то, что они хотели, другие — видят в ограниченной либерализации возможность более привилегированного продвижения к власти, остальные ищут свое место в новой системе.

Наиболее подходящим для проведения не выходящей из-под контроля либерализации является период широкого признания авторитарного режима, включая его экономические достижения. Но этот момент зачастую оказывается упущенным из-за сопротивления сторонников «жесткой» линии, предпочитающих пользоваться выгодой от неизменности авторитарных правил. Обычно режим пытаются либерализовать только после серии кризисов. Крах режима происходит тогда, когда члены правящего блока обращаются за поддержкой на сторону. Решение об изменениях неизбежно вводит новых действующих лиц и создает ситуации «неопределенности». Кроме того, падение режима, вызванное исключительно требованиями общества,— это, скорее, путь смены правительства, чем демократизации. Тем не менее народный подъем и давление снизу часто являются решающим фактором, помогающим избежать опасностей, часть которых отмечена выше.

В Южной Европе почти все силы в процессе перехода к демократии были обязаны вступить в соглашения под наблюдением сверху или извне, т. е. границы и условия перехода были навязаны. Интересно, что военные перевороты в Турции (в 50—60-е годы) были направлены не против самой демократии, а, скорее, нацелены на возобновление демократической политики, которая в итоге и была ими внедрена.

Успех движения к демократии во многом зависит от искусно;TM компромиссов, помогающих консолидировать общество. Чрезмерная осторожность в решении проблем социальной справедливости, слишком большая оглядка на реакцию армии и ряда других структур чреваты для законной власти потерей народной поддержки. В то же время реформаторы должны стремиться избегать провоцирующих угроз по отношению к прежней «верхушке», чтобы уйти от опасностей консолидации реакции для провокаций. В этом смысле «чудо» дипломатичности показала испанская оппозиция, чередовавшая давление и компромиссы. Устойчивая демократия в Испании установилась, не только сохранив политическую жизнь деятелям периода франкизма, но даже не затронув такую опору диктатуры, как армия и политическая полиция. Этот осторожный путь имеет свои изъяны. Например, он исключал такие кардинальные меры, как изменение региональной структуры государства, что в настоящее время представляет даже опасность для демократии в виде проблемы басков.

В отдельные моменты переходного периода временная волна народного подъема создаст иллюзию единого фронта в борьбе за демократизацию. Ее сила пугает сторонников «мягкой» линии в правительстве, которые в случае углубления либерализации боятся потерять контроль за ее последствиями. Однако с течением времени различные слои общества могут обнаружить серьезные расхождения в своих целях и предпочтительной стратегии действий. Тогда их общность как «народа» разрушается. Неудачные действия в этот период могут даже спровоцировать гражданскую войну. Избежать этого, равно как и отката назад, можно только в случае сравнительно твердого контроля за переходным процессом, достигнутым в результате соглашения основных политических сил. Именно отказ «левых» от революционных претензий и умеренность радикалов создали в Южной Европе политическую атмосферу, необходимую для установления демократий.

Исследователи Центра Вильсона высказывают предположение, что если институциональные структуры гражданского общества слабы (например, вследствие долговременного жесткого тоталитаризма), вероятность избежать конфликтов между различными политическими группировками повышается. Это происходит потому, что в обществе, лишенном понимания четкой политической тождественности, будет преобладать процесс формирования политических организаций.

Предположение о бесконфликтности периода перехода от «единства» к четкому самоопределению нестроого гражданского общества проблематично. Это утверждение, возможно, подходит к случаю Южной Европы, где партии и «электоральные игры» — общепризнанные механизмы гражданского общества. Что же касается, например, Латинской Америки, то, с одной стороны, само отражение социальной структуры в партийной системе в настоящее время здесь сомнительно, с другой — как оформлению самой политической системы, так и ее процессуальному оформлению в некоторой степени мешает гегемония в ряде стран этого региона американской двухпартийной модели³.

Одна из основных причин неопределенности в продолжительности и результатах переходного периода заключается в следующем: факторов, достаточных для крушения или самотрансформации авторитарного режима, может не хватить для перехода к другому строю, по крайней мере к демократии. Факторы, имеющие решающее значение при подрыве диктатуры (конфликт между сторонниками «мягкой» и «жесткой» линии или кризис

³ В Южной Европе существовал широкий набор процедур для реализации демократии: Италия — господство одной партии с разными лидерами; Испания — двухпартийная система с голосованием недоверия и монархия; Греция — президентство и двухпартийная система; Португалия — президентство и зыбкая коалиционная политика.

в армии), становятся не столь значимыми при появлении на сцене новых действующих лиц и смене правил «игры». Напротив, скрытые фасадом «социального мира» и «молчаливого согласия» и считавшиеся искорененными факторы (например, стремление к местной автономии или к классовой справедливости) могут стать главной проблемой, с которой столкнется власть переходного периода. Некоторые факторы могут измениться и по своему значению. Например, активный подъем народа может быть не только эффективным инструментом свержения диктатуры, но и затруднить последующую консолидацию. Надо учитывать, что составление временных соглашений, благоприятно сказывающееся в период скачка к длительному и упорядоченному переходу к демократии, может впоследствии помешать демократической консолидации, если их ограничительные правила и гарантии вызовут разочарование и процедурные тупики.

Важно помнить, что участники переходного процесса сталкиваются с высокой степенью неопределенности последствий своих действий. Их сиюминутные конфронтации, решения и компромиссы, в сущности, определяют содержание правил, которые будут иметь возможно длительное, но весьма непредсказуемое воздействие на то, как и кто поведет в будущем «нормальную» политическую игру.

Возможные направления экономической политики демократического правительства

Авторитарные режимы Латинской Америки были ориентированы на использование законов рынка для управления производством и инвестициями. Экономическая политика режимов включала в основном следующие компоненты:

— уменьшение контроля над ценами, ослабление защиты предприятий государством, переориентация фирм на аккумуляцию излишка в инвестициях, попытки поддерживать предпринимательский интерес;

— серьезные попытки ограничить бюджетный дефицит и рост предложения денег, более эффективные налоги, изменения в модели общественных расходов в пользу армии и инвесторов за счет социальных программ;

— контроль за заработной платой и узкие рамки действий профсоюзов;

— создание благоприятных условий для иностранных инвесторов, страхование владельцев собственности от враждебных им коллективных действий (например национализации).

Демократические правительства, возникшие или возникающие в Латинской Америке, стоят перед задачей сохранить жизнеспособную экономику и не уйти при этом от основного — выполнения социальных программ. Какие можно дать советы и высказать предостережения?

1. «Доверие силам рынка» положительно скажется скорее на эффективности производства, чем на его росте (в Чили такового не было в течение нескольких лет). Сделав валютный курс благоприятным для экспорта и инвестиций, легче достичь роста экономики. Но если не изменить систему налогов, увеличив их, особенно для более респектабельных слоев, а также не увеличить тарифы на предметы роскоши, то не уйти от безработицы и не достичь эффекта в более равном распределении прибыли.

2. Не существует абстрактного принципа, который объяснял бы, что делать, когда приходят в столкновение опасения за последствия увеличения государственных расходов и усиление конфронтации в настоящем в случае отказа от них. Инфляция и дефицит таят в себе политическую опасность, так как не только угрожают действиям в экономике, но и восстанавливают средние классы против политической системы, их допускающей.

3. В Латинской Америке центральной проблемой стали безработица и крайнее неравенство в распределении дохода. Поэтому уровень зарплаты

определяется в значительной степени нерыночными решениями, так как в противном случае ее падение привело бы к дальнейшему усугублению проблемы. Правда, часто, несмотря на тонкие расчеты правительства, балансирующего между решением социальных и экономических задач, рост заработной платы зависит от причин, не находящихся под его контролем: повышение цен импорта, ухудшение экспортного рынка, тяжесть обслуживания внешнего долга, уменьшение международного предпринимательского интереса. На движение заработной платы отчасти может повлиять деятельность профсоюзов, которую обязано позволить демократическое государство (вплоть до забастовок).

4. Если общество хочет задействовать внутренних инвесторов, им должно быть обеспечено «политическое страхование» имущества. Причем это не исключает возможности его национализации путем покупки.

Остановимся подробнее на экономических проблемах, связанных с мировой экономикой. Существуют серьезные доводы в пользу экспортной ориентации экономики (хотя у такого подхода есть и оппоненты).

Достоинства развития уровня экономики, приемлемого для экспорта, общеизвестны. Но существуют и аргументы против такого варианта: сложно преуспеть на мировом рынке при протекционизме индустриальных стран; цель снижения цены может стать препятствием на пути повышения заработной платы; неизбежны концентрация производства только в крупных фирмах и приоритетное развитие лишь некоторых отраслей экономики страны, и без того находящихся на более высоком уровне. Но на самом деле главное в подобной аргументации — нежелание подчинять национальную экономику мировой.

В обществе может победить та или иная точка зрения, но какая из них — это в конце концов зависит от основной ориентации общества. Если предпочтение отдается неограниченному частному потреблению со свободным выбором большинства современных товаров, то общество не может отказаться от надежды на рост индустриального экспорта. Если же главное — ориентация на удовлетворение основных нужд, то потребуются меньше импорта, а следовательно, не понадобится и уделять столько внимания экспорту. Лишь полностью нежизнеспособная система будет гнаться за частным потреблением со свободным выбором современных товаров и специализированным оборудованием для его производства и в то же время слабо развивать индустриальный экспорт, способный оплатить это.

В последнее время даже авторитарные латиноамериканские режимы изменили своему былому протекционизму в сфере импорта. Бразилия сохранила его на селективной основе только для тех сфер, которые могут стимулировать новые отрасли. Уругвай и Чили вообще отказались от протекционизма.

Сокращение протекционизма привело к изменениям в потреблении импорта и распределении реальной прибыли в пользу наиболее доходных групп. Как в этом случае должно поступить демократическое государство? Если общество выбирает первый вариант (модели потребления, аналогичные развитому европейскому Северу), то равный протекционизм должен распространяться на все товары (на правительство давит пресс таких требований). Если у общества второй ориентир, массовые товары должны иметь относительно низкие цены, а на дорогие накладываются высокие тарифы (а также высокие налоги на отечественные товары, которые могут их заместить). Либерализация импорта для производства желательна в любом случае, так как это повышает его эффективность и тот же экспортный потенциал (при условии, что стоимость иностранной валюты выше национальной).

Иностранные инвесторы проявляют интерес к любой экономике, где экономический рост может быть восстановлен. На фоне общеизвестных плюсов внедрения иностранных фирм в экономику (современные предпри-

ятия, зарабатывающие валюту и предпочитающие демократические режимы и современную инфраструктуру) менее обсуждаемыми оказались отрицательные аспекты такой политики. Они не очевидны на первый взгляд и могут проявиться лишь в будущем. Так, иностранный капитал способен перекупить или погубить внутренних производителей; добиться специальных налогов и административных льгот, которых нет у местного бизнеса; ослабить национальную способность к саморазвитию. Кроме того, слишком большие упования на потенциальных иностранных инвесторов могут ослабить народную поддержку и решимость справиться со своими проблемами самостоятельно. Демократические режимы окажутся в безопасности и получают больше возможностей для роста, если иностранные инвестиции будут приняты только для строго очерченных особых целей.

Бремя внешнего кредита ведет к активной поддержке индустрии экспорта, что стимулирует рост производства. Но одновременно это увеличивает стоимость валюты, что ограничивает импорт и стимулирует технологии, менее зависимые от иностранных компаний. Огромный внешний долг уменьшает вероятность кредитов в будущем. Это может иметь и положительные последствия (например, создание преимуществ для тех направлений, которым отдает предпочтение само общество).

Фундаментальным тестом как для политической, так и для экономической программ неавторитарного правительства является способность удержать все группы общества от попыток поднять свою значимость за счет других, сделать всех участвующими в коллективной работе над достижением и получением прибыли в результате последовательной экономической политики.